

НАРУШЕНИЕ МАКСИМ ГРАЙСА В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕМАТИКИ)¹

Ключевые слова: религиозный дискурс, инциитивно-прескриптивный тип дискурса, религиозная коммуникация, максимы Грайса, фразеологические единицы.

В статье предлагается пример сравнительного анализа фразеологизмов религиозной тематики в немецкой и в русской фразеологии в качестве иллюстрации нарушения двух максим П. Грайса: максим качества и количества. Дискурс как лингвистическое явление рассматривается в статье в рамках понимания дискурса и дискурсивного анализа учеными Петербургской лингвистической школы. Религиозный дискурс — особая знаковая система, которая включает следующие разновидности: аппрециативно-информативный, десигнативно-системный и инциитивно-прескриптивный. В статье рассматриваются немецкие и русские фразеологизмы, передающие характеристики религиозной коммуникации, происходящей в рамках инциитивно-прескриптивного типа как иллюстрации нарушения максим Грайса. Для религиозного дискурса соблюдение принципа кооперации П. Грайса не является релевантным, например при глоссологии. Фразеологизмы способны воспринимать характеристики дискурса, являющегося их источником. Модель многоуровневого лингводискурсивного анализа DIMEAN позволяет проследить происхождение фразеологизма: религиозный дискурс → религиозная коммуникация → словосочетание → фразеологизация → фразеологизм, и, таким образом, выявить его дискурсивные характеристики. Фразеологизмы с религиозными дискурсивными характеристиками немецкого и русского языков подвергаются анализу с применением модели DIMEAN впервые.

K. V. MANEROVA

St. Petersburg State University

THE VIOLATION OF GRICEAN MAXIMS IN RELIGIOUS DISCOURSE: A CASE STUDY OF THE GERMAN AND RUSSIAN RELIGIOUS PHRASEOLOGY

Keywords: religious discourse, incitivprescriptive discourse type of religious communication, the maxims Grice's, phraseological units.

This article presents a case study of a comparative analysis of religious phraseological units in the German and Russian phraseology as an illustration of the violation of

¹ Статья подготовлена в рамках прохождения научной стажировки по совместному гранту DAAD и СПбГУ «Дмитрий Менделеев» в 2016 г.

two Paul Grice's maxims: the maxim of quality and the maxim of quantity. Discourse as a linguistic phenomenon is discussed here according to the St. Petersburg linguistic school's interpretation of discourse and discourse analysis. Religious discourse is a semiotic system that consists of the following types: appraisive-informative, designative-systemic and incitive-prescriptive. The article focuses on German and Russian phraseological units conveying features of religious communication that occurs within the incitive-prescriptive type of discourse and uses them to illustrate the violation of Grice's maxims of quantity and quality. Grice's cooperative principle is irrelevant to religious discourse when dealing with such phenomena as, for instance, glossolalia. Phraseological units can reflect characteristics of the discourse they originate from. Discourse Linguistic Multi-layered Analysis (DIMEAN) allows us to track the origin of a phraseological unit (religious discourse → religious communication → word group → phraseologization → phraseological unit) and thereby identify its discursive characteristics. This is the first time the DIMEAN model has been used to analyse Russian and German phraseological units with religious discursive characteristics.

В статье предлагается лингвистический анализ дискурсивных единиц, а именно фразеологизмов религиозной тематики немецкого и русского языков как единиц, воспринявших характеристики религиозного дискурса. Религиозный дискурс можно назвать особой знаковой системой: он относится к области институциональных дискурсов с многовековой историей и в отличие от других подобных типов дискурса, например правового, связан с духовной сферой. Религиозный дискурс имеет столько вариантов, сколько в мире существует религий: христианство, буддизм, иудаизм, ислам, монотеистические и политеистические, пантеистические религии и др. Однако для всех разновидностей религиозного дискурса можно выделить одну общую черту: опыт трансцендентного как веру в некую высшую силу, создавшую этот мир, доказательство существования которой, как правило, наличествует исключительно в сакральных текстах и утверждается в религиозной коммуникации, но не объясняется первичным размышлением индивидуума. Религиозный дискурс обладает свойством мультимодальности, т. е. совмещает текст, изображение и звук; важная составляющая религиозного дискурса — коммуникация в ее устной форме.

А. Лаш отмечает, что долгое время лингвистика избегала изучения сакральной коммуникации, так как языкознание (как наука) и теология (как комплекс дисциплин изложения вероучения о Боге) занимаются разными доменами знания и преследуют разные цели [20, S. 537]. Лишь в последние годы в русле конвергенции

разных типов знания религия как отдельная область знания о мире, как пишет Х. Куссе [19], стала рассматриваться в качестве объекта лингвистического исследования в германистике: в аспекте изучения ритуальных языковых практик (см. Г. Мозер [22], К. Елих [16]), в рамках анализа отдельного типа культурно детерминированной коммуникации (см. Х. Куссе [19]), рассмотрения дискурсивных особенностей языковых структур и единиц религиозной тематики (см. Т. Клие [18]), теории речевых актов (см. И. Пауль [23]), типов текста (см. Н. А. Бондарко [1]). Отдельного внимания удостоились фразеологизмы, имеющие в своем составе религиозный компонент и библеизмы (см. Г. Вальтер, В. М. Мокиенко [29], К. В. Манерова [7]). В состав фразеологизмов религиозной тематики входят одно или несколько ключевых слов, лексически, тематически или же исторически относящихся к религиозному христианскому дискурсу. Несмотря на усиливающуюся фрагментацию и переосмысление современного религиозного пространства Германии, фразеология, возникшая в нем, обширна и по сей день не утратила своей употребительности: *j-n ins Gebet nehmen* 'взяться за кого-то', *die Kirche im Dorf lassen* 'не преувеличивать', *kein großes Kirchenlicht sein* 'звезд с неба не хватать'. Исследователи отмечают, что для фразеологических единиц религиозный дискурс может выступать в качестве «смыслогенерирующего источника» [8]. Здесь можно назвать библеизмы немецкого и русского языков: *das A und das O* 'альфа и омега': «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь», Апокалипсис Иоганна Богослова), *sein Scherflein beitragen* ('внести свою лепту' — из притчи о бедной вдове; фразеологизм вошел в немецкий язык благодаря переводу М. Лютера), где компонент *das Scherflein* обозначает мелкую монету в пол-пфенига (*Obol*), распространенную в VIII веке в Саксонии, в русском же фразеологизме компонент «лепта» является заимствованием из греческого *lepton* 'мелкая монета', *wie eine Salzsäule sitzen* 'застыть как соляной столб' — из библейского сюжета о бегстве Лота и его семье) и др. [7, с. 112]. В число этих фразеологизмов можно отнести и единицы, происходящие из церковного ритуала: *читать как пономарь* (монотонно, без выражения), *jemandem die Leviten lesen*, *jemandem die Episteln lesen* 'читать кому-то проповедь, читать кому-то нотации'. Таким образом, можно утверждать, что отдельные фразеологизмы религиозной тематики можно анализировать в аспекте их дискурсивных характеристик.

Дискурс как лингвистическое явление рассматривается в статье в рамках понимания дискурса и дискурсивного анализа учеными Петербургской лингвистической школы, а именно: осмысление дискурса как объекта, «включающего в себя помимо вербально выраженного текста иные содержательные области» [10, с. 49], проведение лингводискурсивного анализа «от языковых средств, который не теряет своей значимости и в рамках современной лингводискурсивной методологии, несмотря на то что дискурсивная лингвистика стремится к предельно широкому охвату языковых явлений» [9, с. 34]. Эти тезисы коррелируют с изложением сути дискурса как коммуникативной практики немецким лингвистом Инго Варнке. Дискурсы, пишет Варнке, появляются как речевые акты и как лингвистический продукт. Дискурсы — динамичные процессы в устной и письменной речи, а также корпус высказываний. Дискурс, с одной стороны, является определенным способом выражения декларативных операций, с другой стороны — общностью интертекстуально и транстекстуально связанных результатов таких операций: высказываний, текстов [30, S. 78]. Таким образом, религиозный дискурс в рамках этого направления рассматривается как лингвистическое явление.

В статье для анализа фразеологических единиц немецкого и русского языков будет частично использована модель многоуровневого лингводискурсивного анализа под названием DIMEAN (*Modell der diskurslinguistischen Mehr-Ebenen-Analyse*), разработанная Юргеном Шпитцмюллером и Инго Варнке [25]. Поясним: инtratекстуальный лингводискурсивный анализ как часть модели DIMEAN подразумевает анализ лексических единиц в направлении от дискурса к лексеме, где лексемы — важные единицы таких исследований. Авторы Ю. Шпитцмюллер и И. Варнке подчеркивают: «Отдельное слово как лексема и элемент оформления дискурса может служить объяснением многих вопросов» [25, S. 139]. На это же указывает Вольфганг Тойберт: «Из дискурса мы узнаем, что означают языковые знаки, слова, словосочетания, сегменты текста и даже целые тексты» [26, S. 45]. Позволим развить этот тезис и дальше: не только отдельные слова, но и многокомпонентные устойчивые словосочетания, фразеологизмы могут воспринимать характеристики дискурса и, следовательно, становиться объектом инtratекстуального лингводискурсивного анализа, несмотря на то обстоятельство, что в модели DIMEAN фразеологизмы как исследуемые

единицы эксплицитно не названы, хотя употребленный авторами немецкий термин «*Mehrworteinheiten*», приведенный в описании модели DIMEAN, подразумевает не только свободные словосочетания, но и фразеологические единицы). Таким образом, интратекстуальный лингводискурсивный анализ от дискурса через высказывание к составляющим его единицам, таким как фразеологизмы, позволит установить дискурсивные характеристики этих единиц. Модель DIMEAN позволяет проследить происхождение фразеологизма в направлении от широкого явления к узкому: **религиозная коммуникация как совокупность коммуникативных практик** → **языковой коррелят религиозных коммуникативных практик, т. е. религиозный дискурс как совокупность устных текстов** → **словосочетание** → **фразеологизация** → **фразеологизм**, и, таким образом, выявить дискурсивные характеристики фразеологизма.

Рассмотрим особенности религиозного дискурса подробнее. Ч. Моррис в своей работе “*Signs, Language and Behavior*” [21] приводит три типа религиозного дискурса: аппрециативно-информативный мифологический, десигнативно-системный космологический и инциитивно-прескриптивный. Все три типа отличаются особым образом маркированными формами языкового выражения, как отмечает И. Пауль [23], и представляют собой интерес для лингводискурсивного анализа. Аппрециативно-информативный тип подразумевает изложение мифологических составляющих религии, например агиографической литературы (жития святых), библейских легенд; десигнативно-системный тип охватывает космогонические аспекты религии, например миф о сотворении мира, как он излагается в Прологе Евангелия от Иоанна (Johannes, Prolog): *Im Anfang war das Wort und das Wort war bei Gott und das Wort war Gott*. Инциитивно-прескриптивный тип религиозного дискурса понимается как форма религиозного общения, информирования реципиентов через наставление или нравоучение. Для религии, согласно определению Э. Дюркхайм, важны две ее составляющих: духовные убеждения и ритуалы [15]. Прескриптивна сама форма религиозной коммуникации участников (или «актеров», в терминах дискурсивной лингвистики): суть религиозной коммуникации заключается в сообщении и передаче реципиенту прескрипций морального толка, утверждающих необходимость или отсутствие неких действий, подобных тем, что отражены в религиозном декалоге, например: *Liebe deinen Nächsten wie dich selbst; Du sollst nicht stehlen*. В свою

очередь, декалоги мировых религий отражают нравственную доминанту, восприятие и следование которой со стороны верующих является другой составляющей этого типа дискурса — инциитивной. Таким образом, инциитивно-прескриптивный дискурс — это тип дискурса, в рамках которого сообщаются религиозные нормы, следование которым должно утвердить реципиента в его убеждениях, ценностях, действиях (на богослужении, на обрядах инициации). Названный тип дискурса предусматривает особый тип коммуникации — «убеждение через наставление» (нем. Persuasion), в христианских религиях наставление происходит обычно в виде церковной или пасторской проповеди, молитвы и богослужения, т. е. в процессе ритуальной, храмовой литургии.

Религиозная коммуникация детерминирована общим духовным наследием, закреплена в символах, имеющих и письменную форму (например, Символ веры; Credo), знаках, текстах, фразовых единицах и высказываниях, утверждающих высшую духовную инстанцию, в том числе и во фразеологизмах (*das wolle Gott, das liegt ganz bei Gott, все в руке Божьей*). Предполагается, что и религиозная, храмовая коммуникация, как любая другая, должна отвечать «принципу кооперации», сформулированному Г.П.Грайсом. Согласно этому принципу, коммуниканты должны придерживаться определенных максим (четырёх постулатов) для совершения успешной коммуникации: как отмечает В. Бублиц, на первый план в доктрине Г.П.Грайса выходит рациональность действия и взаимопонимание [14, S.198]. Максимы 1) количества (полноты), 2) качества, 3) релевантности, 4) способа являются объектом пристального внимания прагмалингвистов (см. ссылки на работы Рольфа, Кеммерлинга, Чапмана, Спербера, Уилсона в работе П. Ауэра [12, S.95]) и применяются для исследования разных типов дискурсов, например делового [12], юридического [4], политического [11]. Максимы Грайса в религиозном дискурсе не были предметом отдельного исследования с применением лингводискурсивного анализа.

Лингвисты не раз критиковали принцип кооперации П. Г. Грайса: не каждая коммуникативная ситуация направлена на достижение «кооперации», как, например, в случае обмана, введения в заблуждение, умолчания, протеста, игнорирования партнера или, добавим, в случае если коммуникация носит некий условный, метаинституциональный или надобъективный характер. В подобных случаях соблюдение максим Грайса не является обязательным

условием. Коммуникация в рамках рассматриваемого инцидивно-прескриптивного типа дискурса представляет собой пример метаинституционального взаимодействия. В религиозном дискурсе возможно языковое несоблюдение принципа кооперации, в мировой лингвистике получившее название «нарушение максим Грайса». В. Бублиц отмечает, что именно несоблюдение максим Грайса делает их суть доступнее для описания и понимания [14, S. 220]. Рассмотрим подробно нарушение двух первых максим: максим качества и количества на примере немецких и русских фразеологизмов религиозной тематики как единиц с дискурсивными характеристиками.

1. Максима количества (полноты) характеризует информативность высказывания, и ее содержание формулируется следующим образом: «Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется. Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется». Нарушение этой максимы мы усматриваем в том, что в религиозной ритуальной коммуникации, протекающей в рамках инцидивно-прескриптивного типа дискурса, новая информация не сообщается; наоборот, ее участники, в зависимости от типа ритуала, повторяют уже существующие убеждения. По этой причине вокабуляр литургии стабилен и архаичен, неизменяем, не содержит неологизмов и во многом описывает ритуальный процесс.

Так, немецкий фразеологизм *in Zungen reden (sprechen)* (книж. шутол. устар.) происходит из религиозного дискурса, применяется для характеристики быстрой, эмоциональной, неинформативной или гиперинформативной и поэтому непонятной речи: *говорить взахлеб, витийствовать, разливатьсЯ соловьем*.

Значение данного фразеологизма, *говорить непонятно, быстро*, актуализировано в контексте следующих немецких примеров из литературных произведений:

Wie sollten sie einen General begreifen, der in Zungen redete! [24]

Und redet in Zungen, ganz schnell [27].

Выражение в исходном значении восходит к некоторым местам Нового Завета, где характеризует эмоциональную, экстатическую ритуальную речь выступлений перед древнехристианской общиной: «Die Zeichen, die da folgen werden denen, die da glauben, sind

дiese: in meinem Namen werden sie böse Geister vertreiben, in neuen Zungen reden» [29, S. 175]. Указанное выражение в значении 'говорить на иностранных языках (и понимать их)' также встречается в библейском тексте, например в «Деяниях апостолов» (Apostelgeschichte 2, 3–4): *Und es erschienen ihnen Zungen, zerteilt, wie von Feuer, und er setzte sich auf einen jeglichen unter ihnen; und sie wurden alle voll des Heiligen Geistes und fingen an, zu predigen mit anderen Zungen, nach dem der Geist ihnen gab auszusprechen*. По мнению В. М. Мокиенко и Х. Вальтера [29], «представление о говорении на иностранных языках и воспроизведении непонятной речи стало основой для характеристики возбужденной речи проповедника» [там же], т. е. косвенной характеристикой ритуальной коммуникации. С применением модели DIMEAN можно проследить процесс развития фразеологического значения у словосочетания *in Zungen reden*: религиозная коммуникация как совокупность коммуникативных практик (храмовая литургия) → языковой коррелят религиозных коммуникативных практик, т. е. религиозный дискурс как совокупности текстов (текст Евангелия) → словосочетание (*in Zungen reden*) как описание вербального аспекта ритуала → фразеологизация (семантическая деривация) → фразеологизм (*in Zungen reden* — *ohne Punkt und Komma reden*, ФЕ с дискурсивной характеристикой).

Таким образом, значение немецкого выражения *in Zungen reden* в процессе фразеологизации семантически и стилистически модифицировалось в значение 'говорить взахлеб, много, неинформативно', как в приводимом далее примере из произведения Г. Гауптмана *Der Narr in Christo Emanuel Quint*:

Sie sprachen in Zungen, und John, der Schmied, der vielleicht wirklich an diesem Tage über den Durst getrunken hatte, tat sich um Ostern dadurch hervor, daß er eine wunderbare, letzte Enthüllung des Geheimnisses für den Auferstehungstag, ja eine doppelte Auferstehung und Offenbarung des Heilands im Gärtnerhause zu Miltzsch fanatisch weissagte [17, S. 292].

В русском языке выражение *говорить новыми языками* не претерпело фразеологизации, однако приведем некоторые фразеологизмы русского языка, происходящие из близкого явления, охарактеризованного как глоссолалия. Термин «глоссолалия» происходит от греческого γλῶσσα (*glōssa*), γλῶττα (*glōtta*) 'язык', 'речь' и λαλέω (*laléo*) 'говорить, лепетать' и буквально означает 'говорить на язы-

ках' (ср. нем. *in Zungen reden*). Под глоссолалией понимается особая речь церковного ритуала, часто содержащая архаизмы, с архаичной акцентуацией слов, с изменением просодии и ритма речи, а также экстатическая речь во время проведения церковного ритуала. Ингер Пауль отмечает, что данное явление однозначно выходит за рамки повседневной коммуникации, глоссолалия не свойственна разговорно-обиходному стилю речи [22, S. 2258]. Глоссолалия в инциитивно-прескриптивном типе религиозного дискурса является частным проявлением нарушения максимы количества, это обстоятельство иллюстрируют следующие русские фразеологизмы, характеризующие глоссолалию:

говорить как дьякон на амвоне — говорить много, неинформативно, болтать;

читать (отчитывать, бубнить) как диакон (как пономарь) — читать (произносить) что-л. монотонно, без выражения, уныло;

молоть как дьячок — говорить много, непонятно (часто: гнусавым голосом);

голос как у дьячка — монотонный, скучный, тягучий голос без выражения;

Не трепи языком, как дьячок псалтырем — не говори много, не говори лишнего, замолчи.

В известном примере из русской литературы фразеологизм *читать как пономарь* характеризует глоссолалию как нежелательную манеру прочтения текста вслух:

«Фамусов:

Петрушка, вечно ты с обновкой,

С разодранным локтем. Достань-ка календарь;

Читай не так, как пономарь (курсив мой. — К. М.),

А с чувством, с толком, с расстановкой» [2, с. 56].

2. Максима качества имплицитно утверждает истинность высказывания: «Не говори того, что ты считаешь ложным. Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований», т. е. «будь искренним, соблюдай условия передачи достоверной и истинной информации». Нарушение максимы качества имплицитно утверждает, например, русская фразема *говорить, как Бог на душу (на сердце) положит* со значением 'говорить, что вздумается, что хочется, что попало'. В условиях религиозной коммуникации трактовка максимы качества обуслов-

лена обстоятельством не рационального, как его сформулировал Грайс, а трансцендентного характера — незыблемостью духовной убежденности коммуникантов в существовании верховного божества и искренностью их веры. Интерпретация любого явления действительности в религиозной коммуникации определена присутствием верховной силы, ее влиянием на судьбу человека, что предполагает обращение к ней. Об этом косвенно свидетельствуют такие поговорки немецкого и русского языков с апеллятивной функцией (Routineformeln), как *Allmächtiger Gott! Du gerechter Gott! Gott bewahre (behüte)!; Herr, wirf Hirn vom Himmel; So wahr mir Gott helfe!; Um Gottes willen!; das sei Gott befohlen!; Mein Gott!; Gott steh mir bei! Gott noch mal! Не дай бог; Не приведи господь; боже сохрани (упаси, оборони); Клянусь богом!; бога ради!; боже правый!* и др.

Абсолютное знание, которым обладает божество, его власть над жизнью всего сущего утверждаются в немецких и русских фразеологизмах следующего порядка: *Gott weiß, wer/wo/wie/was/wann/ob; Das walte Gott!; Das wolle Gott! Jeder für sich, Gott für uns alle!; in Gottes Hand stehen; бог дал, бог взял — Gott hat's gegeben, Gott hat's genommen; одному богу ведомо; бог прибрал; все в руке божьей.*

Пример из рассказа К. Тухольского служит иллюстрацией употребления фразеологизма религиозной тематики в качестве каталюки:

*Und als sie gerade alle auseinandergehen wollen, mit dem festen und sicheren Bewußtsein, die große Gelegenheit ihres Lebens endlich erreicht zu haben und sie — **das walte Gott!** — richtig auszunutzen [28, S. 5581].*

Пословица *Der Mensch denkt, Gott lenkt* — человек предполагает, а бог располагает, восходит к Библии, немецкий вариант — к латинской Вульгате, к Книге притчей Соломоновых (16, 9): «Cor hominis dispinit viam suam, sed domini est dirigere fressus eius» [Des Menschen Herz denkt sich seinen Weg aus, aber es ist die Sache des Herren allein, seinen Schritt zu lenken].

Максима качества в религиозном дискурсе имеет двойственную, амбивалентную природу: «В конвенциональном общении адекватное восприятие речи обеспечивается тем, что коммуниканты настроены на стереотипные наборы скриптов, благодаря чему потенциально амбивалентные высказывания воспринимаются как однозначные» [5, с. 145]. Поясним наш тезис. С одной стороны, в религиозной коммуникации в среде верующих отмечается соблю-

дение максимы качества, обусловленное убежденностью коммуникантов в безусловной истинности существования Бога. Приведем в качестве примера русскую поговорку *Бог есть!*, употребляемую как констатирующее высказывание функционально-смыслового типа речи в ситуациях со счастливым, справедливым, или же ожидаемым как таковой исходом, ср. пример из произведения «Заповедник» Сергея Довлатова: «Мы увидимся. *Бог есть*... Мне бы хотелось ей верить» [3]. С другой стороны, агностицизм или же атеистические установки коммуникантов позволяют не принимать установки инцитивно-прескриптивного дискурса, усмотреть в подобных ассертивных высказываниях нарушение максимы качества Грайса «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований».

Таким образом, религиозный тип дискурса в его инцитивно-прескриптивном типе подразумевает особый вид коммуникации — надобъективной и метаинституциональной, в которой не является релевантным соблюдение максим количества и качества. Новая информация в процессе коммуникации, проходящей в рамках названного типа религиозного дискурса, не сообщается, искренность коммуникантов в рамках совершения сакрального ритуала не подвергается сомнению, истинность передаваемой информации для участников непреложна. Можно сделать предположение о том, что нарушение указанных максим может рассматриваться в качестве средства языковой рестрикции, своеобразного отграничения общения в рамках религиозной коммуникации от профанного. Рассматриваемые фразеологизмы немецкого и русского языков, воспринявшие характеристики религиозного дискурса, иллюстрируют нарушение максим Грайса в указанном типе дискурса.

Интерес для дальнейшего анализа представляет нарушение максим релевантности и способа в религиозном дискурсе, зафиксированное во фразеологических единицах немецкого и русского языков. Проведение контрастивного анализа названных фразеологизмов может выявить особенности отражения дискурсивных характеристик во фразеологии для каждого отдельного из пары сравниваемых языков.

Литература

1. *Бондарко, Н. А.* Немецкая духовная проза XIII–XV веков: язык, традиция, текст. СПб: Нестор история, 2014. 674 с.
2. *Грибоедов, А. С.* Горе от ума: комедия в 4 действиях в стихах. Минск: Нар. асвета, 1969. 148 с.
3. *Довлатов, С.* Заповедник. Л.: Васильевский остров, 1990. С. 14.
4. *Дорфман, Т. В., Чернова, О. Е.* Учебно-методический комплекс по дисциплине «Русский язык и культура речи». Магнитогорск: МаГУ, 2011. 240 с.
5. *Епишкин, Н. И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное издательство ЭТС, 2010.
6. *Кусе, Х.* Парадоксы оправдания в религиозном дискурсе. Логический анализ языка. Языки этики. М.: ЯРК, 2000. С. 271–280.
7. *Манерова, К. В.* Ключевые компоненты фразеологизма как носители культурного кода (контрастивный анализ немецких и русских фразеологизмов религиозной тематики) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64). С. 111–115.
8. *Мухамедова, Э. В.* Религиозный дискурс как смыслогенерирующий источник библейских фразеологизмов // Гуманитарные исследования. 2011. № 1 (37). С. 50–55.
9. *Нефёдов, С. Т.* Дискурсивные функции модальных слов в научной аргументации // Университетский научный журнал. 2016. № 21. С. 34–42.
10. *Филиппов, К. А.* Лингвистика текста и современный анализ устной речи. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2016. 228 с.
11. *Чернявская, В. Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Директ-Медиа, 2014. 128 с.
12. *Чрдицели, Т. В.* Максимумы Грайса в деловом дискурсе // Первая научно-практическая Интернет-конференция «Язык и межкультурная коммуникация» (10–11 декабря 2009 года). URL: http://www.confcontact.com/2009fil/7_chrdit.php (дата обращения: 03.01.2017).
13. *Auer, P.* Sprachliche Interaktion. Eine Einführung anhand von 22 Klassikern. 2., aktualisierte Aufl. Berlin, New York: de Gruyter. 2013. 288 S.
14. *Bublitz, W.* Englische Pragmatik. Eine Einführung. 2. neu bearbeitete und erweiterte Aufl. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2009. 304 S.
15. *Dürkheim, E.* Die elementaren Formen des religiösen Lebens („Les formes élémentaires de la vie religieuse“). Neuaufl. Frankfurt/M.: Verlag der Weltreligionen, 2007. 694 S.
16. *Ehlich, K.* Sprache und sprachliches Handeln. Pragmatik und Sprachtheorie, Prozeduren des sprachlichen Handelns, Diskurs, Narration, Text, Schrift. 3 Bde. Berlin, New York: de Gruyter, 2007. 799 S.
17. *Hauptmann, G.* Der Narr in Christo Emanuel Quint. Berlin: Aufbau-Verlag, 1962. 292 S.

18. Klie, Th. Riskante Liturgien. Zur Pragmatik des religiösen Metapherngebrauchs in gesellschaftlicher Öffentlichkeit // Metaphern in Wissenskulturen / Hrsg. M. Junge. Wiesbaden: Springer Verlag, 2010. S. 15–26.
19. Kuße, H. Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. 280 S.
20. Lasch, A. Texte im Handlungsbereich der Religion // Textsorten, Handlungsmuster, Oberflächen / Hrsg. St. Habscheid. Berlin: de Gruyter, 2011. S. 537–555.
21. Morris, C. Signs, Language and Behavior. New York: Prentice-Hall, 1946. 388 p.
22. Moser, H. Sprache und Religion. Zur muttersprachlichen Erschließung des religiösen Bereichs. Beihefte zur Zeitschrift Wirkendes Wort. 7. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1964.
23. Paul, I. Rhetorisch-stilistische Eigenschaften der Sprache von Religion und Kirche // HSK Rhetorik und Stilistik: ein internationales Handbuch historischer und systematischer Forschung = Rhetoric and stylistics [...] = Handbooks of linguistics and communication science XII. Rhetorik und Stilistik in der Anwendung / Hrsg. U. Fix und co. Berlin: de Gruyter, 2008. Bd. 1. S. 2257–2274.
24. Plievier, Th. Stalingrad; München u.a. Berlin: Aufbau-Verlag, 1984. S. 301.
25. Spitzmüller, J., Warnke, I. Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. Berlin; Boston: de Gruyter, 2011. 236 S.
26. Teubert, W. Korpuslinguistik, Hermeneutik und die soziale Konstruktion der Wirklichkeit // Linguistik Online, 2006. N 28. S. 41–60.
27. Tucholsky, K. Das Wirtshaus in Spessart // Tucholsky, Kurt. Werke-Briefe-Materialien, Berlin: Directmedia Publ., 2000 [1957]. 5550 S.
28. Tucholsky, K. Wie sieht der Erfinder des Reißverschlusses aus? // Tucholsky, Kurt. Werke-Briefe-Materialien, Berlin: Directmedia Publ., 2000 [1957]. 5550 S.
29. Walter, H., Mokienko, V. Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phrasologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Philosophische Fakultät, 2009. 200 S.
30. Warnke, I. Diskurslinguistik und die „wirklich gesagten Dinge“ : Konzepte, Bezüge und Empirie der transtextuellen Sprachanalyse // Faktizitätsherstellung in Diskursen. Die Macht des Deklarativen. Berlin; New York: de Gruyter, 2013. S. 75–98.

References

1. Bondarko, N.A. *Nemetskaia dukhovnaia proza XIII–XV vekov: iazyk, traditsiia, tekst* [German spiritual prose XIII–XV centuries: language, tradition, text]. St. Petersburg, Nestor Istorii Publ., 2014, 674 p. (In Russian)
2. Griboedov, A.S. *Gore ot uma: komediia v 4 deist. v stikhakh* [The Woes of Wit]. Minsk, Nar. asveta Publ., 1969. 148 p. (In Russian)

3. Dovlatov, S. *Zapovednik*. Leningrad: Vasiievskii Ostrov, 1990. S. 301.
4. Dorfman, T.V., Chernova, O.E. *Uchebno-metodicheskii kompleks po distsipline «Russkii iazyk i kul'tura rechi»* [Educational-methodical complex on discipline "Russian Language and Speech Culture"]. Magnitogorsk, MaSU Publ., 2011. 240 p. (In Russian)
5. Epishkin, N.I. *Istoricheskii slovar' gallitsizmov russkogo iazyka* [Historical Dictionary of Gallicisms in Russian]. Moscow, Slovarnoe izdatel'stvo ETS, 2010. Available at: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm (accessed: 02.01.2017). (In Russian)
6. Kuse, Kh. *Paradoksy opravdaniia v religioznom disкурse. Logicheskii analiz iazyka. Iazyki etiki* [Paradoxes of justification in the religious discourse. Logical analysis of language. Languages of ethics]. Moscow, IaRK, 2000, pp. 271–280. (In Russian)
7. Manerova, K.V. *Kliuchevye komponenty frazeologizma kak nositeli kul'turnogo koda (kontrastivnyi analiz nemetskikh i russkikh frazeologizmov religioznoi tematiki)* [Key components in phraseologism as a cultural code carriers (contrastive analysis of German and Russian of phraseology of religious subjects)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no. 10 (64), pp. 111–115. (In Russian)
8. Mukhamedova, E.V. *Religiozni diskurs kak smyslogeneriruiushii istochnik bibleiskikh frazeologizmov* [Religious discourse as meaning generating source of phraseology]. *Gumanitarnye issledovaniia*, 2011, no. 1 (37), pp. 50–55. (In Russian)
9. Nefedov, S. T. *Diskursivnye funktsii modal'nykh slov v nauchnoi argumentatsii* [Discourse function of modal words in scientific argumentation]. *Universitetskii nauchnyi zhurnal*, 2016, no. 21, pp. 34–42. (In Russian)
10. Filippov, K. A. *Lingvistika teksta i sovremennyi analiz ustnoi rechi* [Text Linguistics and modern analysis of speech]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2016. 228 p. (In Russian)
11. Cherniavskaia, V. E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdviizhii* [Discourse of power and the power of discourse: problems of speech influence]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014. 128 p. (In Russian)
12. Chidileli, T.V. *Maksimy Graisa v delovom disкурse. Pervaia nauchno-prakticheskaiia Internet-konferentsiia "Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia" (10–11 dekabria 2009 goda)* [Grice's maxims in business discourse. First scientific and practical Internet-conference "Language and Intercultural Communication" (10–11 december 2009)]. Available at: http://www.confcontact.com/2009fil/7_chridit.php (accessed: 03.01.2017). (In Russian)
13. Auer, P. *Sprachliche Interaktion. Eine Einföhrung anhand von 22 Klassikern. 2, aktualisierte Aufl.* Berlin, de Gruyter, 2013. 288 S.
14. Bublitz, W. *Englische Pragmatik. Eine Einföhrung. 2. neu bearbeitete und erweiterte Auflage.* Berlin, Erich Schmidt Verlag, 2009. 304 S.

15. Dürkheim, E. *Die elementaren Formen des religiösen Lebens*. („*Les formes élémentaires de la vie religieuse*“). Neuaufl., Frankfurt/M., Verlag der Weltreligionen, 2007. 694 S.
16. Ehlich, K. *Sprache und sprachliches Handeln. Pragmatik und Sprachtheorie, Prozeduren des sprachlichen Handelns, Diskurs, Narration, Text, Schrift*. 3 Bde. Berlin, New York, de Gruyter, 2007. 799 S.
17. Hauptmann, G. *Der Narr in Christo Emanuel Quint*. Berlin: Aufbau-Verlag, 1962. S. 292. Available at: <http://www.dwds.de> (accessed: 22.02.2017).
18. Klie, Th. Riskante Liturgien. Zur Pragmatik des religiösen Metapherngebrauchs in gesellschaftlicher Öffentlichkeit. *Metaphern in Wissenskulturen*. Hrsg. M. Junge, M. Wiesbaden. 2010, S. 15–26.
19. Kuße, H. *Kulturwissenschaftliche Linguistik. Eine Einführung*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. 280 S.
20. Lasch, A. Texte im Handlungsbereich der Religion. *Textsorten, Handlungsmuster, Oberflächen*. St. Habscheid. Berlin, de Gruyter, 2011. S. 537–555.
21. Morris, Ch. *Signs, Language and Behavior*. New York, Prentice-Hall, 1946. 388 p.
22. Moser, H. *Sprache und Religion. Zur muttersprachlichen Erschließung des religiösen Bereichs. Beihefte zur Zeitschrift Wirkendes Wort*. 7. Düsseldorf, Pädagogischer Verlag Schwann, 1964.
23. Paul, I. Rhetorisch-stilistische Eigenschaften der Sprache von Religion und Kirche. *HSK Rhetorik und Stilistik: ein internationales Handbuch historischer und systematischer Forschung = Rhetoric and stylistics [...] : = Handbooks of linguistics and communication science XII. Rhetorik und Stilistik in der Anwendung*. Hrsg. U. Fix und co. Berlin, de Gruyter, 2008. Bd. 1. S. 22257–2274.
24. Plievier, Th. *Stalingrad*. Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag, 1984. S. 301. Available at: <http://www.dwds.de> (accessed: 22.02.2017).
25. Spitzmüller, J., Warnke, I. *Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse*. Berlin, Boston, de Gruyter, 2011. 236 S.
26. Teubert, W. Korpuslinguistik, Hermeneutik und die soziale Konstruktion der Wirklichkeit. *Linguistik Online*, 2006, no. 28, S. 41–60. Available at: <http://www.linguistik-online.del28> (accessed: 09.12.2016).
27. Tucholsky, K. Das Wirtshaus in Spessart. *Tucholsky, Kurt. Werke-Briefe-Materialien*. Berlin, Directmedia Publ., 2000 [1957]. S. 5550. Available at: <http://www.dwds.de> (accessed: 22.02.2017).
28. Tucholsky, K. Wie sieht der Erfinder des Reißverschlusses aus? *Tucholsky, Kurt. Werke-Briefe-Materialien*. Berlin, Directmedia Publ., 2000 [1957]. S. 5550. Available at: <http://www.dwds.de> (accessed: 22.02.2017).
29. Walter, H., Mokienko, V. *Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phrasologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Greifswald, Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Philosophische Fakultät, 2009. 200 S.

30. Warnke, I. Diskurslinguistik und die „wirklich gesagten Dinge“. Konzepte, Bezüge und Empirie der transtextuellen Sprachanalyse. *Faktizitätsherstellung in Diskursen. Die Macht des Deklarativen*. Berlin, New York, de Gruyter. 2013. S.75–98.

Манерова Кристина Валерьевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук

Санкт-Петербургского государственного университета

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Manerova Kristina Valerievna

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,

Doctor of Philological Sciences

Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: k.manerova@spbu.ru